

6 октября 1981 г. № 80 (5504)

размышления у телеэкрана

НЕСЫГРАННАЯ РОЛЬ

Соглашаясь играть на телевидении, Николай Константинович Симонов удивлял нас, режиссеров, кажущейся неожиданностью выбора. Он вдруг заинтересовался предложением И. Сорокиной читать за кадром авторский текст в телеспектакле «Пьер и Люс» по Ромену Роллану. Работа была тяжелой и в известной степени неблагодарная. Текст не записывался на пленку. Николай Константинович, сидя перед телевизионным монитором, следил за игрой Пьера — В. Четверякова и Люс — Т. Ивановой и в определенный момент должен был сопровождать происходящее на экране тем или иным абзацем прозы. Монтажа при видеозаписи тогда не существовало. Спектакль после незначительного количества трактовок репетиций записывался сразу целиком, и любая оговорка была несправимым браком.

Я как зритель следил за Симоновым на записи. Он был предельно сосредоточен и внимателен: глядя на экран, переживал все происходящее и подавал реплики, часто отрываясь от текста, который знал наизусть после нескольких репетиций. Симонов забывал, что не снимается, что голос его только звучит, и помогал себе жестами широкими и резкими, такими характерными для его актерской природы. Он краснел, глаза его наполнялись слезами.

Ему нравился ритм роллановской прозы, и он читал ее, как стихи, декламируя, может быть, даже чересчур патетично.

Он любил и понимал хорошую литературу, и это было для него главным привиборе той или иной роли. Как режиссер я встретился с ним дважды. Маленькую новеллу И. Бунина «Темные аллеи» мы репетировали недолго. Симонов категорически возражал против настоящего самовара, чашек, против какого бы то ни было реквизита. Мы снимали рассказ в концертных костюмах. Я все-таки не послушался Симонова и «разукрасил» постановку рисунками дороги, наплывами дождя и другими красавицами. Сейчас, просматривая этот маленький телеспектакль, я понимаю, как прав был артист и как мои изобретательства мешали воспринимать чистоту бунинской прозы.

Николай Константинович согласился сыграть старого промышленника Хлебникова в телеспектакле по пьесе Веры Федоровны Пановой «В старой Москве». Я ставил спектакль в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола в 1956 году, и он не получился. В пьесе я верил по-прежнему и решил поставить ее заново на телевидении. К счастью, Симонову понравилась роль, и участие его решило все. На первую же репетицию он принес карандашный рисунок грима. Симонов был на редкость застенчивым человеком, особенно когда дело касалось его рисунков. Грим был замечательным — Николай Константинович оттолкнулся от портрета Саввы Морозова, но сделал рисунок, как бы примериваясь к неповторимым чертам собственного лица. На второй репетиции Симонов безукоризненно знал текст. Приходил

он на репетицию раньше всех, не любил посторонних разговоров, был чрезвычайно деликатен с новыми партнерами, по окончании репетиции сразу же уезжал домой. Мы еще не закончили съемок «В старой Москве», как Симонов предложил мне поставить «Семью преступника» Джакометти, где хотел сыграть Коррадо. Я прочел пьесу в переводе А. Н. Островского и откровенно сказал, что ничего не понял. Я мечтал о «Лесе» с Симоновым — Несчастливцевым и Трофимовым — Аркашкой. Николай Константинович боялся своего возраста. Он говорил: «Кто же будет играть Гурмыкскую? Кого я смогу называть тетушкой?»

Мы готовились к съемкам последней картины «В старой Москве», где Хлебников приходит в «Яр» к цыганам. Сергей Александрович Сорокин, этот уникальный знаток цыганского фольклора, играл на гитаре (и как играл!) все новые и новые песни. Симонов отклеил бороду и в растрепанном седом парике, положив голову на руку, слушал. «Посмотрите, на кого похож Симонов!» — шепнул мне на ухо Сорокин.

Он был поразительно похож на Бетховена.

Из записок П. Н. Орленева я знал, что существует пьеса о Бетховене. Михаил Федорович Астангов играл в этой пьесе в молодости и предупредил меня, что пьеса плохая, но роль Бетховена эффективная. Я нашел пьесу и ужаснулся: в ней были инсценированы известные анекдоты из жизни великого композитора. Но Симонов загорелся, а обо мне уж что говорить! Кое-как я сократил пьесу, довольно беспомощно вставил знаменитые письма Бетховена, распределил роли, и мы начали репетировать. Но потом пьесу отдали читать музыковедам. Музыковеды возмущались и были совершенно правы. Пьеса была невыносима, мы понимали это: и Симонов, и актеры, и я. Тем более что нам дали возможность заказать новую пьесу о Бетховене. Теперь есть пьеса, но нет Симонова.

Он репетировал Бетховена три раза. Одну репетицию мы, актеры, — Сергей Боярский, Татьяна Нилецкая, Игорь Дмитриев и я, — запомнили навсегда. Прочитав очередную сцену и в очередной раз придя в отчаяние, мы начали рассказывать друг другу все, что знали о жизни Бетховена. Я вспомнил рассказ замечательного кинорежиссера Фридриха Марковича Эрмлера, мечтавшего снять фильм «Бетховен»: гениальный композитор, совершенно глухой, дирижирует своей Девятой симфонией. Оркестр играет, черт знает что. Музыканты и публика смеются, он один слышит ту великую музыку, которую сочинил.

Актеры обожают режиссировать. Особенно любят они предлагать решения чисто технических задач. Каждый из присутствовавших на репетиции начал фантазировать, как должны идти параллельно две пленки со звуком: одна на крупном плане Бетховена, другая на общем плане оркестра. Симонов молчал. Потом покраснел и тихо сказал: «Я попробую это сыграть». К счастью, репетиция была в помещении с

магнитофоном. Была и запись 9-й симфонии в исполнении ленинградского оркестра под управлением Александра Гаука. Зазвучала музыка. Симонов, едва отрывая руку от стола, начал отмахивать такт. Лицо его менялось на глазах. На музыкальном форте он поблел, а из глаз хлынули слезы. Это длилось несколько минут, минут потрясения, которые испытали три актера, звукооператор Сергей Соломенцов и я.

Великий артист Симонов не сыграл Бетховена, как не сыграл в театре Отелло, Лира, Несчастливцева. Винаваты ли в этом мы? Да, безусловно. Об этом когда-то много писали актеры, режиссеры, критики. Сейчас перестали. Добронравов не сыграл Федю Протасова, Тарханов — Фальстафа, Астангов — Ричарда, Дикий не сыграл городничего и не поставил «Бориса Годунова». Я взял наугад три примера из жизни замечательных актеров, которых видел, и так называемые «заявки», которые из года в год появлялись в прессе.

Советский театр обладает сейчас исключительным, подчеркиваю — исключительным составом актерских индивидуальностей. И можно ли допустить, чтобы эти артисты не сыграли «положенных» им по амплуа (не надо бояться этого хорошего старого слова) классических ролей? Не надо забывать о железном законе соответствия возраста артиста и сценического персонажа. Этот закон заставляет с горечью констатировать, что Михаил Ульянов не сыграет Андрея Велюгина, а Нина Дорошина — Полину, Липочку, Аксону и других героинь Островского. Но можно ли допустить, чтобы та же Дорошина не сыграла ни одной роли Островского, Олега Табакова — Чичикова и Швейка, Евгений Евстигнеев — Расплюева, Юрий Яковлев — Гаева, Михаил Ульянов — Годунова, Иннокентий Смоктуновский — Арсения. И так далее, и так далее...

Но на одном имени я должен задержаться особо. В своей прекрасной книге «Вся жизнь» Мария Иосифовна Кнебель уже сказала об этом актере. Но не могу не повториться. Олег Николаевич Ефремов — артист большой, своеобразный, ни на кого не похожий. Я видел его почти во всех ролях. Я не знаю лучшего исполнителя роли современного рабочего, чем Ефремов в спектакле «Страница жизни» по пьесе Розова. Я не помню более поэтичной актерской игры, чем у Ефремова, в роли Ивана в «Коньке-Горбунке». А удивительный эскиз к Дон Кихоту в «Дульсине Тобосской» Володина?

И вот главный режиссер Художественного театра ничего не играет на сцене. Справедливо ли это?

Телевидение за последние годы много и интересно показывает — актеров в новых работах. Бабочкин, Борисов, Джигарханян, Гафт, Терехова, Козаков, Даль. Список можно продолжить. И все-таки все вместе мы должны думать о том, чтобы у наших артистов оставалось как можно меньше несыгранных ролей.

Александр БЕЛИНСКИЙ.